

Ирина ХОХЛОВА

ТРОЛЛЕЙБУС ПОД ОСОБЫМ НОМЕРОМ

Ирина Хохлова родилась в семье военного лётчика в Чкалове, ныне Оренбурге. Окончив Оренбургское музыкально-педагогическое училище по классу фортепиано, переехала к старшему брату в Донецк (Украина) и поступила в консерваторию. Параллельно прослушала три года курсов журналистики при университете. Работала концертмейстером в оперном театре, была внештатным сотрудником во многих газетах, редактором многотиражки «Музыкальный вестник», была принята в члены Союза журналистов Украины. Печатила прозу и стихи в различных изданиях, в том числе в интернете. В 2014 году переехала к дочери в Пенсильванию, ныне живёт в Нью-Йорке, член литературных клубов русской диаспоры.

«Уважаемые пассажиры! Самолёт идёт на посадку. Пристегните ремни, отключите мобильные телефоны. Температура в Оренбурге +12 градусов», — микрофон затих, а я ахнула. «Вот тебе и верная сводка погоды! По телевизору, когда я вылетала из Москвы, объявляли погоду в Оренбурге: +22». Я, собираясь в дорогу, надела вельветовый костюм, под которым была лёгкая водолазка... Хорошо хоть зонт взяла!

Моё пребывание в родном городе я наметила всего на три дня. Моя одноклассница и подруга по жизни Галка обещала встретиться в аэропорту. «Ладно, доберусь, а там как-нибудь перекантуюсь», — решила я.

Самолёт коснулся колёсами земли, и пассажиры традиционно захлопали. «Оставайтесь на своих местах до полной остановки двигателя...» — стюардесса говорила немного торопливо, зная нетерпение и непослушание пассажиров.

Моя соседка, красивая женщина с капризным, ярко покрашенным ртом и густыми тенями на веках стала что-то нервно искать в сумочке.

«Разрешите выйти», — тихо обратилась я к ней. Она недовольно обернулась и, не всматриваясь в меня, нетерпеливо ответила: «Летели два часа, так подождите две минуты!» Затем, найдя то, что искала, она поднялась, пытаясь теперь достать что-то из верхнего багажника. Толпа людей напирала. Женщина навалилась животом прямо на меня. «Ладно уж, потерплю минутку-другую», — подумала я. Наконец, соседка по креслу достала сумку, пассажиры стали проходить быстрее, и... вот я вдыхаю родной степной воздух!

Я не была в городе моего детства больше двадцати лет...

Свежий ветерок неприветливо продувал мой хилый костюмчик. Я двинулась с толпой, цокая каблуками по бетонной дорожке, в то время как пассажиры натягивали на себя куртки и плащи, некоторые женщины были даже в сапогах... Пассажиры направились к месту выдачи багажа, отыскивая чемоданы. У меня была с собой только сумка, и я пошла сразу к выходу. Краем глаза я видела, как моя соседка, натянув на себя светлый плащ, поджидала свои вещи на багажной карусели.

И вот я вхожу в фойе аэропорта. Много встречающих — глаза разбегаются.

— Инна! Иди сюда! — услышала я громкий возглас и увидела Галку в тёплой куртке и джинсах, торопливо направляющуюся ко мне. — Ну, ты совсем уж по-летнему, подруга!

— Привет, дорогая, — целуясь, говорю я извиняющимся голосом. — Вот такую сводку услышала: +22...

— Ну да, вчера столько и было! Но ты забыла, что у нас климат-то резко континентальный! Ладно, оденем, обуем, накормим, напоим... — всё это возбуждённо, с улыбкой щебетала Галка, ведя меня за плечи к выходу.

Навстречу нам, пересекая дорогу, направился высокий мужчина с заметной щетиной на подбородке, в роговых очках и в шляпе. Он кого-то мне напомнил, очень близкого человека, но конкретно кого, не могла вспомнить. Он пристально посмотрел на меня. Я немного оторопела и остановила шаг, встречно осматривая его.

— Давай, давай... — Галка потянула меня за рукав к выходу, но коротко кивнула мужчине, будто знакомому.

— Не бойсь, Инка, сейчас нас Саня на машине до самого дома довезёт, — Галка была всё ещё в радостном возбуждении. — Там отогреемся за бокалом красного вина, а то и покрепче...

Санина машина выглядела довольно прилично, дверцу её щедрым жестом распахнула Галка, приглашая сесть на заднее

сиденье. Когда я уселась сзади, Галкин муж Саня попытался протянуть мне руку с первого сидения, потом просто махнул ею: «Привет!» — и мы тронулись. Я слушала вполуха реплики Галки и её мужа, которые из-за шума двигателя машины были плохо слышны. До меня доносились обрывки вроде: «А вон там была ферма, помнишь, а сейчас там строят городок, а помнишь, как мы ездили в пионерлагерь «Звёздочка», — его уже нет, прибрали крутые, и там теперь у них шикарные коттеджи, пропади они пропадом!»

Я смотрела по сторонам, вглядываясь в окрестные пейзажи... Да какие там пейзажи! Степь она и есть степь. Но всё равно оливковые цвета лесных посадок, полинявшей от солнца травы, сухой полупесчаной почвы отличались по своим оттенкам. Кому-то эти цвета показались бы блёклыми, а мне — спокойно родными... И небо! Оно вроде бы одинаковое повсюду, как натянутая голубая простыня, но нет, разное! Это небо моего детства, моей родины. У каждой родины свой цвет неба... Всё вокруг было уже мало узнаваемое, но родное. Родное и — забытое...

Мы с Галкой учились в одном классе, последние классы сидели за одной партой. Галка жила в элитном доме: её отец был начальником городского вокзала,

пищка, считай. А мама простая, как деревенская женщина. Говор свой не могла, да и не хотела менять. Радужная, открытая, всегда со смешком, она вполне устраивала мужа, старого строгого фронтовика, ушедшего с головой в гражданскую работу. Галка была крупная девочка, смышлёная, с юмором, взятым у матери, и темпераментная, как отец. Нас с Галкой сближало увлечение поэзией и литературой. В их доме библиотеки не было, но она подружилась с мальчиком из соседнего подъезда, Лёвой Личфордом, белобрысым «англичанином», как дружно его прозвали во дворе. Лёвка был начитанным пацаном, но не «ботаником», как обзывала некоторых умников Галка.

У Личфордов была библиотека довольно редких изданий. Как-то Галка напросилась к Лёвке в дом. Она жадно обозревала книжные полки, успевая только двигать по корешкам книг рукой, вчитываясь в авторов и названия. «Ух ты!» — восторженно протянула она. На что Лёвка отпарировал фразой, видно, не раз произнесённой в их доме: «Не шарь по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом». Галка резко повернулась к нему: «А не усохнете от знаний, интеллигентны хреновы?» Лёвка оторопел: девчонки в те времена так резко выражались довольно редко, он даже покраснел. Собственно, как и Галка, — она, бывало, кидалась

«словечками» и сама же смущалась. Но эффект от прозвучавшей Галкиной реплики положительно развернул ситуацию. Лёвка пообещал выдавать ей книги, правда, только по одному экземпляру и под её, Галкино, честное слово, да ещё и с обязательством возвращать в трёхдневный срок. Авось отец, профессор филологии и английского языка, не заметит.

С тех пор наши «ночёвки» проходили с ознакомлением с новыми авторами. Так мы влюбились по уши в Цветаеву, перечитывали Пастернака, Ахматову, всех неформалов и неиздающихся авторов, читали исторические книги. Галке перепадало, конечно, больше. Эта литературная лафа продолжалась весь 9-й класс. Но в 10-м обстоятельства изменились. Лёвка потребовал от Галки... поцелуй за книгу. «Андерсена читался, мальчик? — презрительно глянула на него Галка. — Такая шикарная библиотека, и такие глубокие интересы». Лёвка, тем не менее, наступательно шёл на Галку: «Интересы могут быть и глубже». И Галка, повернувшись к выходу, проронила: «Правду говорят, что интеллигенция — гнилая...»

Больше мы книг из личфоровской библиотеки не получали.

С возрастом наши интересы стали расширяться. Теперь тему «про любовь» мы могли обсуждать, разбирая не чужие книжные чувства, а уже свои. Хотя больше Галкины.

Галка оказалась весьма влюбчивой девчонкой, и я иногда тереялась в её рассказах о мальчиках из параллельного класса «Б», потом кто-то с ней заигрывал из 10-го «А», и потом ещё пара пацанов из её двора, включая приставания «англичанина». Нужно сказать, что Галка не боялась экспериментов: «Читать — одно, но надо накапливать жизненную практику». Всё чаще наши одноклассники предлагали собраться у кого-нибудь дома или на даче. Вроде всё было безобидно, но мальчишки успевали притаскивать дешёвое кислое вино, и потом быстро окосевшая публика танцевала до ночи при выключенном свете, и парочки зажимались по углам. Галка успевала перецеловаться с двумя, а то и с тремя мальчишками. Меня называла Верой Павловой («ни одного поцелуя без любви!»), но зато потом, хотя бы для «теоретического опыта», рассказывала мне все свои зажимы и поцелуи в подробностях, будто описывала какое-то кулинарное блюдо. Если я похихикивала, стесняясь выслушивать её художественные описания, настойчиво прибавляла: «Тебя учу, дуру!»

Нет, я не была «Верой Павловой», потому что и во мне забурлила молодая кровь, только вот найти объект у меня никак не получалось. Читая блоковские строчки: «Иди, иди за мной — покорной и верною моей рабой. Я на сверкнувший гребень горный взлечу уверенно с тобой...»

И на горах, в сверканье белом, на незапятнанном лугу, божественно-прекрасным телом тебя я страстно обожгу...» — я улетаю вместе с Демоном туда, высоко к небесам... дыхание моё замирает... но потом наступал возврат на нашу ничем не примечательную землю, в мою комнату, а перед глазами возникали неинтересные лица моих одноклассников.

На Новый год в зале Дома Советов устраивался новогодний бал для десятиклассников. Интересна история этого здания. Рассказывали, что когда-то на этом месте стоял огромный кафедральный собор. Разрушен он был по решению местной советской власти, и на его месте решено было поставить театр для трудящихся Оренбурга. Верующие жители и культурная общественность бросились с прошением в Москву. Но однажды жители города проснулись от страшных взрывов: собор рушился... А буквально на следующий день пришла телеграмма из Москвы: «Оставить собор в сохранности». Через какое-то время из обломков собора построили не театр, а... Дом Советов. Не для трудящихся, а для новорожденной советской бюрократии и органов власти над этими самыми трудящимися. Проникнуть туда было простому люду трудно — только по пропускам. Эту историю рассказал мне мой отец. Я пошла на бал выпускников не

только как на праздничное собрание, но с интересом посмотреть здание изнутри.

В туалете Галка раскручивала мелкие бигуди, сняв огромную голубую вязаную шапку, в которой она шла от самого дома. Она расчёсывала торчащую во все стороны гриву и пристально вглядывалась в своё отражение. Непонятно было — то ли от недовольства полученным результатом, то ли наблюдая свою «неземную красоту».

— Ты чё стоишь? Начеши волосы, затылок подними, он у тебя плоский, — протягивала расчёску Галя. Я заметила, как Галка чем-то мажет губы. Я расчесалась, чуть подняла воротник блузы (так делала одна актриса в последнем фильме, что я смотрела), и мы с Галкой направились в зал, огромный и величественный для нас (наши школьные вечера обычно проходили в спортзале). Мы встали возле толстой мраморной колонны. Звучала какая-то музыка. Устроители прикрепляли воздушные шары к колоннам, огромная ёлка стояла посередине, и мы, собравшиеся, только вертели головами, рассматривая огромный зал.

Но вот вышли артисты, Дед Мороз и престарелая Снегурочка, и вечер начался. Я была очень стеснительной девочкой: во-первых, близорука, но надевать очки отказывалась, во-вторых, имела ещё неразвитую грудь, в-третьих,

моя особенность — краснеть и замыкаться, когда я чувствовала интерес ко мне мальчиков, — мешала мне расслабиться. Я уже решила, что займу пост наблюдателя на вечере. Всё так и было, пока я не увидела танцующего с девочкой одного парня. Он был высокий, тёмные волосы подчёркивали его синие глаза, стеснительная улыбка очень шла ему. Я стала незаметно наблюдать за ним. Чем больше я его рассматривала, тем больше мне нравилось всё, что в нём было. И тут возле меня возникла Галка:

— Ты чё стоишь, кукла? Сейчас будет «белый танец», можешь ты, наконец, выбрать хоть кого?

— Ну, разве что тебя... — проговорила я рассеянно.

— Ну, давай я тебя с кем-нибудь познакомлю из моих новых знакомых, я уже четырёх парней раскручиваю...

— Уволь, у меня есть свой объект...

— Правда? Покажи! — Галка стала шарить по головам танцующих. Танец закончился, и пары стали расходиться. И тут объявили:

— А теперь для скучающих — начинаем танец «летка-енка»!

Зазвучала музыка, и Галка, схватив меня за руку, потянула в круг. Всё произошло стихийно, Галка взяла мои ладони и положила на талию, сама прицепившись к какому-то парню, сзади меня тоже обхватили чьи-то сильные руки.

Но все уже понеслись в весёлом танце. Поднимая ноги и подскакивая, я вдруг стала получать от этого удовольствие и рассмеялась. Тот, кто был сзади меня, засмеялся в ответ, и я увидела того синеглазого парня, обхватившего мою талию сзади... Я вдруг стала будто из слоновой кости, ноги слушались плохо, и смех пропал вовсе. К щекам хлынула кровь, голова закружилась. И тут танец так же резко остановился. Я обернулась и встретилась взглядом с тем, кто стал словно выпуклым объектом на плоском фоне картинки. Он смотрел на меня вопросительно и недоумённо. Я быстро опустила глаза и поспешила к своей колонне. Через какое-то время кто-то дотронулся до моей руки.

— Потанцуем? — тот же парень спокойно и испытующе смотрел на меня. Сначала от страха я хотела отказаться, но потом пошла с ним на середину зала. Весь танец я и он смотрели куда-то вдаль, но только не в глаза друг другу. Моя скованность, видно, передавалась и ему. А потом музыка закончилась, и мы, не стовариваясь, разошлись в разные стороны. Это был последний танец. Все засобирались в раздевалку. У меня всё тело было ватным, Галка что-то рассказывала о своих победах, но я не слышала её совсем.

Когда мы вышли в морозный вечер, я вновь увидела объект моего внимания, он стоял с группой ребят.

— Ты не знаешь, они вроде не из нашей школы? — спросила я Галку.

— Нет, эти из двадцатой, что на Постникова, — и она помахала кому-то из стоявшей кучки ребят. — А что, понравился кто-то?

Галка спросила это заигрывающим тоном. Я промолчала, отметив, что школа эта была на параллельной улице, по которой я возвращалась домой.

Машина подкатила к дому. Галка так и продолжала жить в своём доме, который до сих пор считался элитным: старая постройка с крепкими стенами, высокими потолками, с широкими окнами и плюс хорошее расположение района. Родителей уже не было в живых. Галка потеряла их одного за другим: сначала умер отец от инфаркта — сердце не выдержало постоянных нагрузок, а потом и мама — та всю жизнь жила под его крылом и просто не могла приспособиться к одиночеству. Галка уже оканчивала институт и, оставшись одна, быстро вышла замуж.

— Ну, заходи в дом, там согреешься.

Поднимались пешком на третий этаж: в этом доме лифт не был предусмотрен.

— Галь, а как Личфорд Лёвка, он здесь продолжает ещё жить? — спросила я, поднимаясь по лестнице. Сначала возникла неловкая пауза, потом Галя глухо ответила:

— Уехал в Англию. У него там, оказывается, были какие-то родственники...

— И кем он там? — интересовалась я дальше.

— А он готовить научился, работал в ресторанах поваром. А теперь вроде и сам ресторанчик открыл. Ну, вот и пришли — заходи, гость дорогой... дорогая то есть...

Квартира мало чем отличалась от той старой, которую я ещё помнила. Конечно, был ремонт, что-то освежилось, но даже многое из мебели осталось прежним.

— Да... У тебя что-то осталось от прошлого. У меня ничего. Только могилы.

— Да и у меня то же самое. Ты ж свою хагу продала, а я здесь осталась. Ну ладно, пойдём кушать.

За столом еда была без фантазий и стараний — всё вроде есть, но без особой подачи. Я люблю «упаковку», чтобы всё смотрелось и пахло красиво. Саня разлил вино, объявил тост, сам первый выпил и накинулся на еду. Галка, жуя, безостановочно рассказывала про каких-то людей, многих из которых я напрочь забыла или помнила весьма смутно. Поужинав, мы помыли посуду и приготовились чаёвничать. Саня, оправдываясь, что нам надо побыть вдвоём, пошёл к телевизору на свой любимый диван. Мы остались в кухне вдвоём, и Галка прикрыла двери.

— Ну вот, теперь можем посидеть душа в душу. Надоедает он мне, понимаешь?

— Галь, а почему Саня? У тебя пруд пруди женихов было!

— Испугалась одиночества после смерти мамы... У меня был парень, мы с ним в мединституте учились вместе. Жили даже... А после похорон, когда из меня ровно кости вынули, и я тут как тряпочка лежала, он сначала приходил, пытался меня успокоить. Однажды я проснулась неожиданно и слышу его разговор по телефону, тихий такой... прислушалась. Он с кем-то любезничал и назначал свидание...

Я его выпнала, и тогда первый, кто пришел утешить, был «англичанин». Лёвка просто стал приходить, а через месяц остался у меня... Нужно сказать, что нам было хорошо вдвоём. Родители его уже засобирались в Англию. Я сказала, что не поеду. Лёвка был за переезд. Он не был ни диссидентом, ни маменькиным сынком, просто говорил, что мир огромен, что нельзя отвергать новые перспективы. Он обещал потом забрать меня, но мне совсем, понимаешь, совсем этого не надо было. Тут Саня объявился. Он же, помнишь, сох по мне и в 9-м, и в 10-м классе. Ничего не просил, никуда не собирался, видела — только я ему нужна, не квартира моя, ничего. И я оставила его у себя. Лёвка уехал уже как враг... Потом я забеременела, потом ребёнка потеряла, как

знаешь. И ничего от меня такого особенного не осталось, кроме квартиры. — Галка вздохнула и опустила голову на руки.

— Мне стало скучно с ним почти с самого начала, — продолжала Галка, подняв голову. — Но, знаешь, и прицепиться не к чему, нет причины выгнать его — живёт как верный пёс, не пьёт, заботливый, честный... Ну за что? Вот живём с ним, иногда я себе позволю... Знаю, ты не любишь этого. Но так, для тонуса, а потом снова — Саня. Самое главное — мы с ним звёзд с неба не хватаем, да нам и не надо. Живём да живём... Наверное, мне тоже надо было, как ты, уехать и всё поменять. Но когда отец умер, я в наш медицинский пошла. И год не проучилась, а тут мама... А ты молодец! — Галка резко поменяла тон. — Если человек кожу меняет, то место жительства ещё проще.

Я вдруг вспомнила мою соседку по самолёту и рассказала про неё Галке. Та, покачивая головой, слушала, а в глазах её было что-то типа «Ну, знаю, знаю».

И тут я вспомнила её взгляд на мужчину, который возник у нас на дороге.

— Галь, а кто был тот человек? Мне показалось, ты его знаешь. Может, и я его знаю?

Галка поднялась мыть чашки под краном, потом обернулась на меня и пристально посмотрела:

— И правда не узнала? Или не захотела узнать?

Я вопросительно уставилась на неё.

— И мужчину, и соседку твою знаю, — сказала Галка, отвернувшись к крану.

И я сразу вспомнила...

После Нового года и каникул я долго не видела того парня. И только однажды мы ехали с Галкой в троллейбусе в сторону центра: там была наша музыкальная школа, куда мы ездили с ней на хор. И вот в троллейбусе я его снова увидела. Он держался за поручни и смотрел в окно. Я буквально впилась в него взглядом, пока он не заметил, почувствовав его, и, обернувшись, сразу встретился с моими глазами. Тогда я резко опустила их и поняла, что теперь настала его очередь рассматривать меня. Галка, как всегда, о чём-то рассказывала и ничего не заметила. Мы чуть было не проехали нашу остановку, выскочили из троллейбуса, я обернулась, чтоб запомнить номер. Не маршрут, а саму машину № 84. Я загадала, что как только увижу этот троллейбус, я обязательно встречу того парня. И с тех пор, по какой-то случайности или закономерности, но как только я видела приближающийся троллейбус с номером 84, то либо мимоходом, либо на другой стороне улицы, но я обязательно встречала потом того парня... Мы так и не познакомились с того вечера, я, видя его, начинала

стесняться и отворачиваться. Он тоже не подходил ко мне. Но я заметила, что всё чаще ищу причину появиться в центре города, и каждый раз, поворачивая со своей улицы в центр, я ждала 84-й... Не знаю, время ли подошло влюбиться или душа искала предмет восхищения, но с того самого момента, как мы познакомились и снова разошлись, я, как пушкинская Татьяна, твёрдо знала: это мой избранник, это моя судьба. Да, виноваты были не только пробудившиеся гормоны, но и все поэты, вместе взятые, и впечатлительность. Но больше я даже смотреть ни на кого не могла. И вместе с пониманием «вот он, один из всех» наступал какой-то паралич чувств: как только видела его, пряталась, как улитка, и боялась глаза поднять.

Это случилось в конце мая. Моя любимая сирень пышными гроздьями украсила город; синее небо и сиреневые улицы, тёплый воздух и новые весенние запахи дурманили голову. Мне надо было найти какой-то материал в городской библиотеке. Взяв книги на абонементе, я прошла в читальный зал и стала выписывать в тетрадку информацию, не оглядываясь вокруг. Мимо кто-то прошёл, и на стол упал клочок тетрадного листа: «Меня зовут Лёша, а тебя как?» Я подняла голову и начала искать глазами: кто это? И тут заметила, что к стойке выдачи книг подошёл мой

новогодний знакомый, он стоял ко мне спиной, держа стопку книг. Он обернулся, и мы встретились глазами. И первый раз я не отвела взгляд. Может, потому, что он был сравнительно далеко. Но я собрала книги и пошла в его сторону.

Он будто ждал меня. Когда я встала в очередь за ним, я тихо сказала: «А меня зовут Инна».

— А я тебя помню, — его голос звучал глухо, а у меня задрожали колени. Мы вместе вышли из библиотеки и направились в сторону троллейбусной остановки. Он что-то говорил, я кивала, но, кажется, наши сердца стучали громче наших голосов, и мы оба боялись, что это станет заметным. Мы обсуждали приближение выпускных экзаменов и разговаривали, будто старые знакомые, усмехаясь шуткам и так же боясь разглядывать друг друга, как и раньше. И тут подъехал троллейбус № 84... Я впорхнула в него, помахав рукой, а он остался. Будто разорвалась какая-то фотография — и каждый остался по разным частям её...

Приближались выпускные экзамены, голова стала поневоле забита другим. Но вот настал выпускной бал, и все выпускники после школьных проводов высыпали на улицу. Группы мальчишек и девчонок со всех школ направились к городской набережной. Когда я шла на выпускной к школе и подходила к центральной

площади, из-за поворота выехал синегобокий троллейбус.

«Мой, 84-й! — ёкнуло и упало сердце. — Что-то сегодня произойдёт!»

К поздней, но всё равно светлой ночи все выпускники перемешались. Галку забрала какая-то компания, я шла со своими одноклассниками и вдруг увидела Лёшу. Он также заметил меня и направился в мою сторону. Я замедлила шаги, затем наклонилась, будто поправляла ремешок на туфле. Лёша подошёл сзади, и как только я выпрямилась, он взял меня за руку, и мы пошли... Мы вообще не понимали, куда мы шли. Но уже не в потоке со всеми. Не надо было слов — иногда мы взглядывали друг на друга и улыбались, будто общались только глазами.

Наверное, мы всё-таки о чём-то говорили, потому что, встретив лавочку под деревом, сели, и Лёша, сняв пиджак, накинул его мне на плечи. Наш первый поцелуй был неопытный, мы только прижались щеками друг к другу. И снова поцелуй. Уже более смелый, ищущий и долгий. Время остановилось...

— Ну, так кто же это был? — переспросила я Галку.

— Алексей Rogozin, и подозреваю, что именно твоя соседка была его жена.

— Так ты его видела среди встречающих?

— Ну да. Он сказал, что встречает жену. А я — свою давнюю подругу. Нет. Я тебя не назвала. Но когда мы с тобой шли, он мог догадаться. Ты, кстати, мало изменилась. Узнать можно, — Галка вытирала тряпкой стол и показывала жестом, что проведёт меня спать.

— Подожди, — я прервала её, — так ты его знаешь и сейчас?

— Ну да, — снимая фартук, нехотя отвечала Галка. — Он работает у нас в больнице. Хирург. Жена его заведует химической лабораторией. Не такая уж умная, скажу прямо, но её папа — обкомовский работник. И «на меньшее мы не согласны».

Галя выключила свет и подтолкнула меня к комнате.

— Знаешь, Инна, не оборачивайся в прошлое. Это всё несерьёзно — первый опыт и неумение выстраивать отношения.

— Я была замужем пятнадцать лет и уже четыре года одна. Выстроила отношения... — спать уже не хотелось.

— А что было бы, — начала запальчиво Галка, — если б ты осталась? Работала б в школе, проверяла гору тетрадей, читала бы Евтушенко там или Самойлова... Рогозин пропадает: на работе конец дня запивает спиртом. Это у него уже стало традицией. А врач талантливый. Его жена поменяла не одного любовника, и это не такая уж тайна. Сын вот готовится поступать в медицинский. Тупик

развития. Не знаю, как уж там в столице, но здесь всё хиреет. Давай стелиться — и баиньки. Утро вечера мудренее.

Цель моего приезда — я должна была собрать документы в архиве родителей и посетить их могилы. Из всего города только с Галей я поддерживала переписку.

Приезжать раньше у меня не получалось: появилась семья, надо было много после Литинститута работать, проявлять себя. А потом с каждым годом появлялись «важные обстоятельства», обусловленные простым нежеланием возвращаться в прошлое. Но всё больше нарастала тоска по родному городу, и вот я вырвалась, и теперь пробивалась через паутину памяти. И что-то менялось во мне, будто кто-то переставлял во мне всё местами, как в кубике Рубика. И я не могла ничего с этим поделать. Ночью спала отрывисто. Под утро приснилось, будто я выхожу на улицу, потом на угол площади, и из поворота появляется сине-белый троллейбус. № 84... Он едет прямо на меня. Но я стою без страха: знаю, останусь жива. И... просыпаюсь.

За день я справилась со всеми делами, благо Саня меня возил и помогал. Потом поехали на кладбище. Мы успели покрасить ограду, просто тихо посидеть и вспомнить. Саня ожидал в машине. Всё намеченное совершала деловито,

будто в командировке. Вечером Галя предложила пройтись по городу. Многое изменилось, перестроилось, город был вроде и родной, но и чужой одновременно. Когда мы вышли на площадь, моё сердце замерло. Я прекрасно понимала, что того троллейбуса просто не существует — появились новые марки машин, но всё равно маршрут остался прежним, и какие номера теперь у троллейбусов, для меня оставалось загадкой. И вот появился троллейбус из-за угла. Я остановилась, чтобы разглядеть цифры... 284! Я резко повернулась к Галке — та наблюдала всё это время за мной. Мы посмотрели друг другу в глаза и всё поняли. Ещё давно я рассказала ей о своей тайне. Галке тогда очень понравилось это моё наблюдение, она даже пробовала, когда подходила к этому месту, искать глазами Алексея, но он ни разу ей не встретился.

Мы прошлись по центру, посидели в кафе. Но... Алексея не было.

«Ну да, — тихо обронила я Галке, — это уже трёхзначная цифра». На что она отпарировала: «Ну, правильно, двойка впереди — это твои двадцать лет отсутствия». Мы уже поднимались из-за столика, когда в кафе вошёл... он. Я испугалась и резко нагнулась, будто искала что-то на полу. Галка отвернулась инстинктивно.

— Подруги, — растерянно обратился Саня, — мы вроде бы уже

собирались домой. Хотите ещё остаться?

«Глупо. Веду себя как девчонка», — поднималась я почти из-под стола. Галя смотрела уже на меня. И тут наши с Алексеем глаза встретились.

Галя резко развернулась к выходу, опередив меня с Саней. Она подошла и что-то сказала Алексею. Он выслушал, не отводя от меня глаз. Галя обернулась ко мне, подошла и взяла меня за руку.

— Пошли, — потянула она меня за собой.

Я вопросительно подняла плечи: «Почему я должна тебя слушаться?»

Мы стояли с Алексеем уже напротив друг друга, загораживая проход. Саня глядел на меня вопросительно. И тут снова возникла Галя: «Завтра встретитесь. Хоть целый день. Сегодня ты с нами — мы идём домой!»

Действительно, было уже поздно, идти нам было некуда. У меня даже промелькнула мысль: «А зачем?» Мы смотрели друг на друга совсем недолго, но, мне казалось, я могла бы описать в подробностях всё его лицо. Наверное, он тоже...

— Сколько ты ещё будешь? — сипловато спросил Алексей.

— Завтра вечером улетаю.

— Приходи сюда к 11. Я постараюсь уйти с работы.

Я кивнула, хотя была не уверена: приду ли?

Галя перед сном пришла ко мне в комнату в ночной рубашке. Расчёсывая волосы, спросила: «Есть желание встретиться?»

— Знаешь, какие эмоции меня разрывают? Злость, сожаление, жалость, любовь, страдание... слабость, неуверенность, разочарованность...

— Да, букетик... — остановила Галка. — Ты уже зрелая мадам и решай: нужно тебе это или нет? Но, может, тебе будет спокойнее, если ты уедешь и ничего не будешь ворошить?

— Утро вечера мудренее. Иди, Галь. Может, я и спать не засну...

— Ну да, литературно выражаешься... — и она улыбнулась, закрывая дверь в мою спальню.

...После нашего выпускного вечера мы с Лёшкой договорились поехать на электричке в Дубки. Езда два часа, но место там было красивое: река Урал, леса по берегам, мостики для лодок, песчаный пляж. Встретившись с ним на вокзале, мы снова стеснялись друг друга... Лёшка, когда вошли в вагон электропоезда, улыбаясь, предложил:

— Ну, давай знакомиться.

И мы тихо рассмеялись. И так смеяться могут люди, которые знают друг друга хорошо и долго. И всю дорогу мы разговаривали обо всём, спрашивая «Какого автора больше всего любишь?», потом «А какое любимое блюдо?», и так беспорядочно: вопрос — ответ.

Оба смеялись и хватали друг друга, как дети, за руки... Да мы и были тогда детьми.

Уже под конец дня, когда солнце шло к зениту, а мы, молча обнявшись, лежали на остывающем к вечеру пляжном песке, Лёшка повернулся и прямо в ухо прошептал:

— Ничего подобного со мной не было и не будет...

И у меня от переполненности чувствами покатила по щеке слеза. Он слизнул её языком.

— Пошли, на электричку опоздаем.

Мы возвращались на железнодорожную остановку и смеялись, дурачась. Потом Лёшка развязал поясok на моём платье и связал вместе мою и его руку:

— Всё, не убежишь от меня!

Так мы, связанные, и вернулись в город...

...Девчонки, надо прямо сказать, меня мало интересовали. Ну, может, за всю школу две девочки мне нравились. Писали мне записочки, заигрывали.

Мама говорила, что «расту интересным парнем»:

— Смотри, Лёшка, от девчонок держись подальше! Их ещё у тебя будет достаточно. Главное — учись!

Меня остановил её взгляд. Тогда, на новогоднем вечере. Так на меня ещё никто не смотрел. Нет, не пристально, в том-то и дело — как-то робко, пряча

взгляд, но мне и секунды хватало, как током дёрнуло. Когда я её пригласил танцевать, я просто хотел понять, почувствовать — что это с ней. И вдруг весь зажался... Меня она вдруг притянула, как какую-то железку магнитом. Я не желал зависеть ни от кого. Но туда, в её глаза, хотелось уйти и оставаться долго. А она быстро отводила их. Я хотел забыть её, впереди выпускные, потом вступительные... Я жил недалеко от центра и вот стал замечать какую-то особенность: меня просто гнало в центр по каким-то мелочам. А то и просто так. И я почти всегда встречал её. Но не собиравшись с ней знакомиться. Я даже боялся, что будет со мной, если я познакомлюсь с ней. Я стал замечать, что всё время думаю о ней. Это начинало мне мешать, зависимость какая-то. А потом проходили дни, и... будто не хватало воздуха, и я отправлялся в центр пройтись, отвлечёшься — и встречал её. Я не знаю почему, но я боялся её. А скорее всего — себя. Там в библиотеке я бросил записку, как пробный камень.

Я не уверен был, нравлюсь ли я ей. На выпускном (а я знал, что мы обязательно встретимся), когда я увидел её, мне уже ничего не надо было проверять и себе доказывать, меня тянуло к ней — и всё. Дальше происходило так, как будто я повторял всё то, что должно было случиться. Я никогда не целовался до этого. С ней... как

будто я всегда знал, умел, чувствовал... После этого я понял, что я не смогу уже без неё. Всё поменялось в мире, как будто я перевернул бинокль. Маленькое стало большим, а значимое для меня на то время — мелким. Она меня спросила как-то летом, перед самым поступлением: «Ты как зубной пастой пользуешься — по частям или всё сразу выдавливаешь?»

Я рассмеялся: что за глупый вопрос? Но она всегда поворачивала вопрос неожиданной стороной: «Давай немного реже видеться. Я всё время думаю о тебе».

Не знаю почему, но её подругу я не любил. Нормальная девчонка. Находчивая, неглупая, может, чересчур напористая. Но когда я услышал, как она ей сказала: «Судьба, говоришь? Кажется, я этот сюжет уже наблюдала. Ромео и Джульетта. Конец вот, правда, бесперспективный»... А ровно через год после нашего знакомства мы у той же Галки остались одни. Она сама попросила тебя переночевать, когда они с родителями уехали отдыхать в другой город. Понимали мы, что делаем? Да, мы не могли быть уже по отдельности. Ты тогда чертила пальцем по моей голой спине и говорила какую-то ерунду:

— Мой, моя, моё... Моё — среднего рода, между мужским и женским... Лёшка, ты мой. Скажи мне, а я?

И я разнеженно повторял: «Моя».

— А теперь мы слились, и получилось что-то среднее: МОЁ, — и она тихо засмеялась, щекоча меня своими волосами.

Я помню, как со мной долго говорили родители... Они, конечно, беспокоились за меня. Приводили резонные примеры. Отец мне говорил, что это первый опыт, что мужская жизнь длинная, что так никто не живёт, всё будет меняться. И у меня голова шла кругом, и я представлял, что буду жить долго, и смогу ли я вот так, всем существом любить её всю эту долгую жизнь? А потом этот случай с Галкой. Я ждал тебя. Мы должны были что-то решить сами для себя. Я же видел, как ты повернула с улицы и шла в мою сторону. Вдруг неожиданно возникла Галка, она что-то тебе возбуждённо говорила, и я был уверен, что ты отмахнёшься и пойдёшь ко мне. А ты нерешительно остановилась, потом повернула назад. Снова оглянулась, будто искала меня, а потом вы вместе пошли в противоположную сторону. Я посчитал, что это твоя капитуляция. Мне было пусто и холодно. Я пошёл домой. А там уже приехали эти Нерушевы с их дочкой. Отец дружил с ними, с партийным работником, уважаемым в городе человеком. Тогда наши мамы отравили нас с Дашей в кино.

Я ненавидел в тот момент Дашу, кино, родителей, жизнь. И со злостью, обидой, чтоб как-то забыться, полез целоваться к Дашке. Она была сначала в шоке,

а потом после сеанса хитро улыбалась: «Ого, какой ты! А я и не знала!» И мы на следующий день пошли с ней на площадь. И там встретили тебя. Ты убежала. А я стеснялся оставить Дашку. Чёрт какой-то во мне ожил...

Мы сидели с Галкой на кухне, и она всё время напоминала, что чай остывает. Я не могла говорить и вся ушла в воспоминания.

— Жалею, что прилетела. Документы из архива могли переслать, а на могиле всё нормально, памятник на века...

Галка молча наблюдала за мной, нахмурившись.

— Когда поезд в Москву? — спросила я. — Может, поменять билет? Завтра уеду.

— Инна, ведь ничего особенного и не было! Опыт юности! Это хронически происходит со всеми! Больше скажу: пожила бы ты с этим Алексеем полжизни — потом, уверена, приходила бы ко мне и вот на этой кухне плакалась бы, как у тебя всё сыплется и куда всё уходит! Истинная правда! И, может, тогда не осуждала бы меня с Саней. Если б все жили с эмоциями, мир стал бы сумасшедшим.

— Помнишь музыкальные знаки? — я почти не слушала Галку, просто и так знала, что она скажет. Ничего нового, сама вещала бы так же, окажись на её месте. — Вот у меня всё началось не с простого крещендо, а прямо с тютти! А вот потом пошло на диминуэндо... Весёлая получилась музыка...

— Нет, с тобой не соскучишься, есть «дети, опалённые войной», а вы — любовью... — Галка смотрела на меня не то с сожалением, не то с завистью.

— Ну да, ничего нового и интересного, — протянула я, — но опять боюсь его видеть, опять, будто старая болезнь возвращается.

— Решай сама. Он освободится только к 11 часам. Поезд уходит в 14. Я скажу, что ты улетаешь, и он помчится в аэропорт. Так и разминётся...

Я уронила голову на руки и разревелась.

Я простилась утром с Галей и Саней и с сумкой поехала на вокзал. Билетов не оказалось.

— Ну, может, за час можно будет купить?

— Возможно, бронь и выкинут, — неуверенно ответила девушка из кассы. «До отхода поезда — два часа, — прикинула я. — До регистрации — шесть часов. Час езды до аэропорта. Сдать билет не успею. Чего я затеяла? От кого бегу — от себя?»

Я пошла на остановку автобуса, что шёл в аэропорт.

В маленьком кафе заказала лёгкий обед и поглядывала на табло вылетов самолётов. Оставалось часа два до регистрации. Когда со стола стали убирать, я заказала кофе.

— Два кофе и два коньяка, — услышала над собой мужской голос, и напротив меня сел Алексей.

Он молча разглядывал меня. Алексей поседел на висках, был в роговых очках. Они ему шли, и сквозь стёкла глаза всё равно было видны. Его глаза. В складках губ только какая-то не то усталость, не то разочарованность.

— Ищешь во мне ту далёкую девочку? Всё изменилось, Лёша. Человек меняет клетки каждые семь лет, тебе-то, медику, это особенно известно. Сколько раз уже поменялось...

— Согласен. А вот про клетки души ещё ничего не слышал. Мне кажется, там у тебя мало что изменилось.

— У тебя рентген в глазах? — я пыталась вести поверхностный разговор.

— Ты и сейчас бегаешь от судьбы? — прервал меня Алексей.

— Один раз это уже произошло, а двух судеб не бывает, как и двух жизней.

Алексей прикрыл глаза и откинулся расслабленно на спинку стула. Теперь он смотрел на меня как бы издалека, на меня сегодняшнюю, пытаясь рассмотреть что-то новое.

— И как ты сложила свою судьбу?

На столик поставили кофе и коньяк, и я затянула с ответом, подтягивая к себе чашечку с кофе.

— Нет, давай выпьем, я тебя знаю, тебе надо расслабиться. Давай за встречу.

Мы отпили коньяк, и я стала размешивать сахар в кофе.

— Ну, так как? — Алексей вновь задал вопрос.

— Сказать, что всё хорошо, — наверное, преувеличу, но у меня много интересной работы, я работаю в редакции, востребована, живу в ритме... Много интересных встреч, знакомых... Хочешь подробностей? Я разошлась...

— Эту официальную часть я знаю. А вот неофициальную...

— Алексей, ты допрашиваешь меня? — я снова стала искать глазами светящиеся буквы регистрируемых вылетов.

— Прости. Ты всё такая же, — теплее проговорил Алексей. — Знаешь, — он отпил коньяк, — был такой случай в моей практике. Диагностировали одного больного в хирургии. И по симптомам я был уверен, что у него большое сердце, а его оперировали с диагнозом «аневризма лёгкого». На столе он умер. Меня тогда сочли неопытным специалистом и к диагнозу моему не прислушались. И вина моя была — молодость...

— А ты хороший хирург? — заинтересованно спросила я.

— Да, я хороший хирург, теперь уже признанный.

— Галя говорила, что ты заканчиваешь дежурства...

— Много она говорит. И говорила... Азарт уходит, в этом дело. А ты довольна своей карьерой?

— Тебя интересует моя карьера? — я улыбнулась разочарованно.

— А личной жизни у нас быть не могло...

— ???

— ...потому что мы от неё отказались, и потом всё другое — это от неправильного жизненного диагноза, если так можно сказать... — Алексей допил коньяк. — Испугались собственной высоты. А «боящийся несовершенен в любви».

— У тебя красивая жена...

— Прекрати. Я живу со старой душой, понимаешь, у которой была очень счастливая, но короткая жизнь.

— Лёша, ты приезжал ко мне в Москву, и ты не остался.

— Да. Ирония в том, что надо было учиться мне, а начала учиться ты. Удачно поступила в литературный. Столица опять же... У человека не может быть два руля в одних руках. По крайней мере, у меня так.

— Ты меня вспоминал?

— Я не забывал...

— Мне тоже кажется, что эти двадцать лет ничего не поменяли. Во всяком случае, сейчас. В этот миг...

Алексей взял мои руки в свои, долго смотрел мне в глаза.

— Я вижу: я там у тебя ещё есть...

И мы двое сидели, погружаясь, как прежде, в глаза другого, перетекая из моих в его и наоборот.

«Начинается посадка на рейс № 284 до Москвы». Я вдруг вздрогнула. Я не знала точный номер своего рейса и, услышав, вспомнила троллейбус, выехавший вчера на площадь.

— Мистика какая-то... — прошептала я, и Алексей вопросительно посмотрел на меня.

— Надо идти. Спасибо, что приехал...

Избыток впечатлений и сопадений слегка кружил голову. Алексей взял мою сумку, и мы пошли к регистрационной стойке. Я торопливо шла впереди и услышала вслед: «Регистрацию только объявили, куда ты торопишься?»; я оглянулась на Алексея и увидела сразу постаревшее его лицо. Я встала напротив его глаз и торопливо стала говорить:

— Всё у тебя нормально, всё у нас хорошо. Ты работаешь, ты хороший хирург, у меня тоже интересная работа, у тебя сын, у меня девочка. Всё у нас есть, это нужно ценить...

— Что ты плачешь? Сама себя успокаиваешь? — Алексей поставил сумку и обнял меня. И всё вернулось: лёгкость, свежесть, как раньше. Я очень резко, как глубокий укол, почувствовала боль, что мы вот так, обнявшись, должны снова расстаться в жизни и знать, что так не будет больше ни с кем и никогда.

В самолёте кресло рядом со мной пустовало. Я мысленно прокрутила всё время, которое была в родном городе. Как будто кусок жизни... И может, самый главный. Почему всё так получилось?

Вспомнила вдруг евангельский эпизод, когда Христос и его мать были на свадьбе в Капернауме и

Христос совершил первое чудо: из воды сделал прекрасное вино. «Как же так? — спрашивали гости. — Обычно подают в начале лучшее вино, а у вас в конце?» Ну, а мы начали с лучших чувств, опьяневшие от первого глотка любви...

«И на горах, в сверканье белом, на незапятнанном лугу, божественно-прекрасным телом тебя я страстно обожгу...» Куда уж дальше лететь с опалёнными крыльями?

«Уважаемые пассажиры, самолёт идёт на посадку. В Москве идёт дождь. Пристегните ремни...»

И вот моя вторая родная земля. И небо здесь, как всегда, серое... Толпа подхватила меня, экспресс помчал из Домодедова до Павелецкого вокзала. Энергия мегаполиса, будто огромная турбина, всасывала меня, слабую и поддающуюся, в мою обыкновенную жизнь.

Когда я сидела с дочерью за ужином и устало рассказывала о своей поездке, пропуская главное, та вдруг спросила без любопытства, как бы между прочим:

— А ты вспомнила там себя молодой?

С ощущением неприятного холода в животе мне подумалось: «Вот уже в стареющее поколение записали». Не отвечая на вопрос, я достаточно строго, что характерно для материнского наставления, обратилась к дочери:

— Обещай мне доверять свои секреты, когда они у тебя появятся, и поверь, я всё пойму и буду на твоей стороне. Доверяй просто моему опыту, чтоб и тебе не совершить ошибок.

— Так ты, — дочь внимательно посмотрела на меня, — ты поехала проделать работу над ошибками?

— Работа над ошибками — это школьное задание. Иногда очень поздно понимаешь, что были сделаны ошибки. И не все их можно исправить...

— Мам, почему ты разошлась с папой? Ведь он тебя любил...

— Видишь ли, два получается, если к одному прибавить один. Наверное, я оказалась нулём.

— Ты его не любила?

— Я думала, что люблю... Но оказалась нулём.

Первый раз дочь посмотрела на меня взрослым женским взглядом, как бы стараясь что-то разгадать. Я поднялась из-за стола, показывая, что разговор окончен.

— Так, всё, давай мой посуду, я устала. Мне ведь завтра на работу.

— Мама! — дочь послушно встала, резко меняя настроение, будто вытерев губкой нерешённую задачу с доски. — Надеюсь, ты помнишь: у меня скоро выпускной! Давай, когда все экзамены уже пройдут, — школьные,

вступительные — поедem в Черногорию! Витка там была с родителями, говорит, там красота такая, обалдеешь! Купим красивые платья. Я нарощу волосы, ты ж мне разрешишь? — дочь затараторила, будто забыв о разговоре. — И ты изменишь имидж, мы сделаем тебе новую стильную причёску...

— Зачем менять имидж? У меня свой нормальный, — но я всё равно посмотрелась в зеркало.

— Мама, ты у меня красавица и очень даже молодая...

— Ага! На попятную? — улыбнулась я. — Ты явно мне льстишь. Волосы я и без того разрешу тебе нарастить.

Разглядывая себя в зеркале в ванной, я видела явные минорные складки возле губ. Я ненавидела это зеркало, но именно здесь падающий свет всегда говорил правду. «Половина жизни уже прошла, и лучшая притом», — грустно подумала я. Можно ли делать работу над ошибками? Иногда не стоит. Совсем неизвестно, каким будет другой вариант. Перекраивать платье — неблагодарная и проигрешная работа... Но, боже мой, я даже не подозревала, как ожила моя старая боль!

Горевать или быть благодарной, что это у меня в жизни было? Философский вопрос. А она, жизнь, продолжается...